

Леонид Андреев

Монумент

Леонид Николаевич Андреев
Монумент
Серия «Сатирические
миниатюры для сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805705

Аннотация

«В городе Коклюшине, наконец, решили поставить памятник Пушкину; объявили всенародную подписку, устроили конкурс на проект памятника и учредили комиссию. Проектов было представлено множество, но Ее Превосходительство, по инициативе которой воздвигается памятник, остановила свое внимание только на двух проектах, принадлежащих художникам Фракову и Пиджакову. И в настоящий момент комиссия заседает в квартире Ее Превосходительства как для обсуждения означенных проектов, так и других важных вопросов, связанных с небывалым происшествием...»

Леонид Николаевич Андреев Монумент

Комедийка в одном действии

В городе Коклюшине, наконец, решили поставить памятник Пушкину; объявили всенародную подписку, устроили конкурс на проект памятника и учредили комиссию. Проектов было представлено множество, но Ее Превосходительство, по инициативе которой воздвигается памятник, остановила свое внимание только на двух проектах, принадлежащих художникам Фракову и Пиджакову. И в настоящий момент комиссия заседает в квартире Ее Превосходительства как для обсуждения означенных проектов, так и других важных вопросов, связанных с небывалым происшествием. Члены комиссии, кроме Ее Превосходительства, следующие:

Градский голова, Павел Карпович Маслобойников, лицо почтенное, но лишенное образования. Крупен, лыс, бородат и мордаст. Гавриил Гавриилович, податной инспектор, бывший учитель гимназии, уволенный за то, что ругал учеников дурными словами.

Учитель географии в прогимназии, Петр Петрович Еремкин, чахоточный. Местный барон. Некто, внушающий почтение и легкий трепет. Мухоморов Анатолий Наполеонович – самый умный человек в городе; ходит в наваченных брюках, в ушах вата, пальцы длинные и костлявы. Его супруга Анна Титовна; большие черные усы. Иван Иванович, обаятельный молодой человек без речей. И еще два члена без речей: один – всегда смеется с Гавриилом Гавриловичем; другой – ужасается и скорбит с Некоим, внушающим почтение.

Тут же присутствуют и оба художника с проектами. Фраков ненавидит Пиджакова, последний презирает Фракова. По этой причине сидят они в разных концах комнаты. Из посторонних лиц присутствует специально командированный представитель столичной прессы, господин Исполинов.

При открытии занавеса Ее Превосходительства нет: она еще не выходила из своих апартаментов. Члены комиссии собрались кружком около журналиста.

Некто (Исполинову). Пешком изволили? У нас извозчики с семи часов спать ложатся.

Исполинов (глядя на концы брюк). Пешком, да, представьте! Но очень, очень милый городок, такой

оригинальный. Однако почему столько собак? Почти как в Константинополе.

Еремкин (*страстно*). А вы и в Константинополе были?

Исполинов. Как же! Два года писал оттуда корреспонденции, ведь это же рядом с Одессой, ну да! А скажите, у вас это первый памятник?

Барон. Пока первый. Культура этого края еще йене... Да, первый пока.

Маслобойников. А на кладбище-то забыли, барон? Есть, есть, вы сбегайте, поглядите, господин хороший.

Некто. Кладбище у вас знаменитое.

Еремкин. Но господин Исполинов говорят, если не ошибаюсь, о городских монументах. Полководцы, вообще фигуры великих мужей и...

Некто. Напрасно утруждаете себя объяснениями: здесь вам не ваши ученики. Вот воздвигнем памятник Пушкину, тогда и любуйтесь, сколько хотите, тогда ваша воля.

Еремкин. Но...

Гавриил Гаврилович. Нет, вы вот что нам скажите, господин Исполинов: почему Пушкину? Ну, я понимаю, как этого не понять, ну, город и вообще культура, и нельзя же, чтобы одни собаки и калачи, – но почему именно Пушкину? Мало ли других великих людей? А

то все Пушкин, Пушкин, ведь это может и надоесть!

Еремкин. Но с точки зрения...

Гавриил Гаврилович. Вас не спрашивают. А вот вы, господин Исполинов, как представитель столичной печати, не удостоите ли нам объяснить?

Исполинов. Виноват, я в вашем городе только гость и...

Барон. Как известно, Пушкин наш величайший поэт, и задачи культуры – как же можно, иначе нельзя. Где же тогда культура?

Гавриил Гаврилович. Нет уж, барон, извините, – конечно, я не противоречу, – но кому это известно, а мне нет, неизвестно. А вам, Пал Карпыч, известно?

Голова (вздыхая). Мне ничего не известно. Вы меня, Гаврил Гаврилыч, не приводите, я здесь не в пример.

Гавриил Гаврилович (хохочет). Вот оно-с! Не любит Пушкина наш почтеннейший городской голова, не одобряет! Но, виноват, вы желаете сказать, господин Исполинов?

Исполинов. Как гость я, право, затрудняюсь ответить, почему вы решили ставить именно Пушкину. Это даже странно.

Гавриил Гаврилович. А я что говорю?! Но ваше отношение к памятнику?

Исполинов. Мое отношение? А что касается моего

отношения к памятнику, то оно двойное: одно – пока памятник еще не поставлен, и другое – когда он уже стоит. В первом случае я имею материал... ну, положим, и не так много... ну, когда десять, а когда и сотню строк; а во втором случае... Ну, и что мне от памятника, когда он уже стоит, сами посудите? Скажу просто: от всех памятников, какие стоят в Петербурге и Москве, я не имею даже рубля! Да и никто не имеет, это же не требует доказательств!

Голова (*вздыхая*). Да, под квартиру не отдашь.

Еремкин. Но с точки зрения исторической...

Гавриил Гаврилович. Пошла история с географией: вот уж чего не люблю, так не люблю. И почему, господин Еремкин, вы не можете слова сказать без но?

Еремкин. Но...

Некто. Вот так они всегда: но! Не могут, по-видимости, иначе, не могут. И сколько раз я имел удовольствие их слушать, и каждый раз на этом месте удивлялся: но.

Еремкин (*пугаясь и оглядываясь*). Но как же мне быть, если так начинается: но? Я совсем ничего не думаю сказать лишнего, и вообще я, но...

Гавриил Гаврилович (*хохочет*). И опять! Не может!

Некто. Очень жаль, если не можете. Позвольте вам

внушить следующее: но – есть знак гордости человеческой, а что такое гордость? Но – есть отвращение ума не только от законов человеческих, но даже и божеских, – а что такое ум? Но – есть знак высокой непочтительности, своеволия, так сказать, и даже дерзости. Нехорошо-с, молодой человек, плохо-с! обидно!

Еремкин (*в отчаянии*). Но...

Голова. Цыц! сама.

Входит Ее Превосходительство, поддерживаемая Иваном Ивановичем; ее почтительно приветствуют.

Ее Превосходительство. Уже? здравствуйте, уже? Я так счастлива, наконец, видеть и вообще, наконец, приблизиться – не так ли, господа? Моя мечта – садитесь, господа, – или, лучше сказать, моя идея наконец близка... Не хотите ли чаю? впрочем, чай потом, а сперва нужно что-то другое... что? Надеюсь, господа, вы простите слабую женщину, которая, это правда, так богата идеями, но совершенно беспомощна в вопросах – как это называется?

Мухоморов (*подсказывая*). Прозаической действительности, Ваше Превосходительство.

Ее Превосходительство. Мерси. Вот видите, ка-

кая у меня голова, ах, я такая бедная. Раз это не идэя, то я уже ничего не понимаю, я бессильна, как дитя, – нет, нет, не спорьте. Я даже удивляюсь иногда: зачем у меня тело? Ну, У других, я понимаю, ну, там на что-нибудь нужно; а зачем мне?

Мухоморов. Вы, Ваше Превосходительство, по моему скромному мнению, – я заранее извиняюсь, если что-нибудь не соответствует в моих словах, – вы просто дух, Ваше Превосходительство.

Ее Превосходительство. Вы так думаете? Ах, как это необыкновенно. Но я очень счастлива... Господа, позвольте вам представить нашего достоуважаемого сочлена, господина, господина...

Голова. Кто его не знает, знаем.

Мухоморов (*подсказывая*). Мухоморов, Анатолий Наполеонович...

Ее Превосходительство. Мерси. Вот видите, какая у меня голова! Я, право, не знаю, зачем у меня самой есть имя? Это так ненужно, когда вся душа: не так ли, достоуважаемый Павел Егорович?

Голова. Карпович, Карпов сын. (*Потея.*) Не могу знать, Ваше Превосходительство. Стало быть, нужно, коли дают.

Гавриил Гаврилович (*хохочет*). А для вывески-то? «Павел Карпович Маслобойников-сыновья, мука и бакалея».

Ее Превосходительство. Ну вот, вы все что-то понимаете и даже смеетесь, а я – как это необыкновенно – но к делу, к делу, как говорит монмари¹. Господа, я пригласила господина Мухоморова в нашу дорогую Пушкинскую комиссию...

Голоса. Просим, просим!

Мухоморов и его жена встают и кланяются.

Ее Превосходительство. Ах, как это трогательно! Господин Мухоморов, как вам, надеюсь, известно, самый умный человек в нашем городе; его открыл нам наш дорогой барон...

Барон. Это такой русский ум!

Голоса. Известно, известно!

– Просим!

– Садись, Мухоморов.

Мухоморов (*кланяясь, рукою как бы отстраняя честь*). Польщен! высоко польщен! Но как глас народа, то – молчу и покоряюсь. Однако не сокрою... Анна, выступи! Моя супруга и равным образом моя муза.

Ее Превосходительство. Ах, как романтично! Садитесь, пожалуйста, или что? Но – уже, это прекрасно. Скажите, ведь у нашего Пушкина также была муза?

Мухоморов. Как же-с. Была.

¹ Монмари – мой муж (фр. mon mari).

Ее Превосходительство. Ах, господа, когда я подумаю, что тень великого Пушкина присутствует между нами, то мне становится страшно, я плачу. Не удивляйтесь, господа, я слабая женщина. Правда, когда мне пришла идэя поставить в нашем Коклюшине памятник великому Пушкину, я – вы понимаете? Но теперь, когда – вы понимаете? Но почему же мы не заседаем? Или мы уже? Прошу вас, господа, заседайте, заседайте! Я умоляю!

Гавриил Гаврилович. Что же, можно. Пал Карпыч, вы, как градский голова, бессменный наш председатель – открывайте.

Голова. Открывать-то открывать... *(Вздыхает.)* А то вы бы, барон, а?

Барон. Нет, нет, просим.

Голова. Наше дело простое, торговое, и как по примеру прочих, так куда уж: с суконным рылом да в калачный ряд. Главное, не могу я за себя поручиться: такого могу наговорить, что и до завтрага не прочихаешься... А тут еще тень, говорите. Эх! Стало быть, открывается. Звоночек бы мне...

Ее Превосходительство. Я даже боюсь вас! Иван Иванович, дайте председателю звоночек – но как, уже?

Голова. Спасибо, милый. Кому желательно?

Мгновение некоторой нерешительности.

Некто (*Исполинову, тихо*). Вы уж ко мне поближе. Блокнотик вынули? Записывайте, записывайте, освещайте!

Еремкин. Позвольте мне, я быстро. Нет, нет, я без но. Просто надо, чтобы Павел Карпович, в ознаменование и, так сказать, в присутствии столь почтенных лиц, выяснил нам значение, если смею так выразиться, высказал свой просвещенный взгляд на творения и личность усопшего поэта. Я уже, кончил!

Гавриил Гаврилович. Да, не мешало бы выяснить, а то я что-то не понимаю. Ну-ка, Пал Карпыч, понатужьтесь! (*Хохочет.*)

Голова. Что? шутите вы, что ли? Да как же я выясню? Нет уж, господа, ей-Богу, увольте: что касается остального, так я на все согласен, ей-Богу, а уж выяснить ничего не могу. Учены мы на медные деньги, я и счета правильно-то написать не умею, а вы говорите: выяснить. Ну, Пушкин и Пушкин – что ж тут неясного?

Ее Превосходительство. Ах, как стыдно! Неужели вы не знаете Пушкина?

Голова. Как не знать – знать-то я его хорошо знаю, я его окончательно знаю – как не знать! Но только зачем это выяснять? Ну, собрались, ну, и слава Богу, и тому порадоваться надо. Я, извините, от дела отбил-

ся с этим Пушкиным, а вы еще говорите, выяснять. Стало быть, ясно, коли собрались. Я же первый и три рубля внес: стало быть, знаю, коли внес; не знал бы, так не вносил бы. А вы, Гаврил Гаврилыч, чем усмеяться над моим убожеством да голову мне морочить, лучше взяли и сказали бы.

Гавриил Гаврилович. Позвольте, при чем я тут? Как всем известно, я вовсе уж не такой поклонник господина Пушкина, и зачем я стану говорить? Не желаю говорить, вот и все. В комиссию я согласен, потому что образованный человек, все понимаю, а говорить мне нечего. Пушкин! Ну, и ставьте памятник Пушкину, а если вы его не знаете, так это стыдно. Я, например, все наизусть знаю; не люблю – но знаю.

Еремкин. Да, стыдно, стыдно.

Некто. Нехорошо.

Барон. И даже некультурно.

Маслобойников (*звонит*). Да что стыдного-то: я ж говорю, знаю. Может, оттого, что знаю, оттого и выяснять не хочу. Не желаю выяснять. И что это, господа, привязались вы: стыдно, стыдно. Разве я прекословлю? Будь бы я прекословил, а то нет? Пушкин так Пушкин, я против него ничего не имею. А чем препираться и председателю огорчения делать, так лучше делом займемся. Вон и энти господа, художники-то, на нас косятся, думают, чем занялись вместо дела.

Верно, господа?

Фраков. Помилуйте! Нам оказана такая честь.

Маслобойников. Прожектики-то принесли? Ну, ну, сейчас, дайте о деньгах сказать. Как на мне лежит счетная часть, так должен я отчитаться... Вот тут (*показывает на боковой карман*) лежит у меня три миллиона двести тысяч, да еще не знаю, сколько нынче по почте пришло – миллион или два. Отбою нет от денег – так и жертвуют, так и жертвуют: кто копейку, кто две.

Ее Превосходительство. Три миллиона – этого хватит?

Маслобойников. Обойдемся как-нибудь. Так что ж, картинки будем смотреть или что? Давайте уж картинки посмотрим. Ну-ка, милый, покажь, что намалевал? Разверни, разверни.

Фраков. Вот. Пожалуйста. (*Развертывает на стене проект памятника.*)

На рисунке Пушкин изображен в короткой римской тунике с венком на голове.

Голоса. Удивительно!

– Какая прелесть!

– Нет, но как классично, какая поза!

– Великолепно!

Голова. Так. Это самое и есть Пушкин? Скажи ты! А отчего же он без брюков? По-моему, брюки бы надоть.

Фраков. Извините, почтеннейший, но Минин и Пожарский...

Голова. Чудак! Так то – Минин и Пожарский: тогда и все без брюков ходили, а теперь стыдно.

Гавриил Гаврилович (*хохочет*). Вот так ляпнул городской голова!

Ее Превосходительство (*страдая*). Здесь недо-
разумение, дорогой Павел Карпович, вы просто не
знаете требований классицизма!

Художник Пиджаков насмешливо хохочет.

Голова. Я-то? Извините, Ваше Превосходитель-
ство, но как у меня самого два сына в классической
прогимназии, так я эти требования вот как знаю, здесь
сидят! (*Бьет себя по шее.*) Но чтобы вовсе без брю-
ков, этого даже и не слыхал, извините, врать не стану!
(*От души хохочет.*)

Ее Превосходительство. Барон, объясните ему, я
не могу!..

Барон. Но мне и самому... Конечно, я не о той части
костюма, о которой, но... Да, да, несколько странно.
Но, может быть, коллега, автор следующего проекта,
нам что-нибудь скажет... компетентное мнение...

Фраков (*гордо*). Я слушаю.

Пиджаков. Я ему не коллега.

Барон. Но почему же?

Пиджаков. Он академик. А я нет.

Фраков. Горжусь, что я академик!

Пиджаков. Горжусь, что я не академик!

Барон. Но, господа, позвольте, зачем так остро переживать? Я извиняюсь и, может быть, лучше, если сам автор проекта объяснит свою мысль...

Фраков. Что же тут объяснять?

Ее Превосходительство. Ах, пожалуйста, мы просим.

Фраков. Подчиняюсь приказанию Ее Превосходительства. Итак – что такое памятник? Памятник – это монумент. Надеюсь, никто не возражает?

Пиджаков. Я возражаю.

Фраков (*окидывая его презрительным взглядом*). А раз монумент, то он должен быть монументален. Все временное, все слишком человеческое, все слишком обыденное и пошное – отпадает.

Голова (*иронически*). И брюки?

Фраков. Да-е – и брюки, как вам угодно выражаться. Моя скромная задача дать величие, а не брюки, я художник, а не портной. Брюки и на вас есть, почтеннейший!

Голова. Ну да: еще я б тебе без брюков ходить

стал, чего захотел.

Гавриил Гаврилович хохочет.

Ее Превосходительство. Боже мой, что они говорят! Но где же идэя, идея?

Голова (звонит). Прошу господ собрание не ржать, тише! И вот мой сказ: голого нельзя. У нас мимо памятника девицы ходить будут, нельзя. Так – я ничего не имею: Пушкин – ну и Пушкин, а неприличия, как градский голова, допустить не могу, на мне медаль. Одень – тогда и ставь: тут тебе не спальня, а прохажая улица. А вы опять ухмыляетесь, Гаврил Гаврилыч – ну, чего вы?

Гавриил Гаврилович. Так-с. Величие! Скажите пожалуйста! Конечно, я все понимаю, тут и понимать нечего, – но почему именно Пушкин велик? Стихи писал – но, позвольте, что тут такого? Стихи всякий может писать, я сам их мальчишкой сколько написал. Наконец, ставят памятник человеку, который был убит в какой-то драке...

Некто. Смерть нехристианская, это верно. Но раз начальство ничего против такой смерти не имеет, то мы должны покориться. При всем том голизны одобрить не могу: человек умер, и Бог ему судья, а не мы. *(Исполинову.)* Округлив, запишите.

Еремкин. Осмелюсь и я. Та широта, под которой находится наш город, условия сурового климата заставляют и меня присоединиться к протесту. Было бы странно, если бы зимой, в мороз до тридцати градусов и более, на площади, занесенной сугробами, вывышался голый человек! Несоответственно.

Голова. На него и глядя-то зубами заляскаешь!

Фраков. Но не могу же я его в шубу!..

Голова. А не можешь, так чего ж берешься? Какой важный! Не ты стоять будешь, а он: так чего же ты ерепенишься?

Ее Превосходительство. Боже мой, что они говорят!

Фраков (*гневно*). Это... это папуасы! Это... это... Извиняюсь, Ваше Превосходительство, но я... позвольте мне удалиться!

Голова. Ну, ну, какой обидчивый, – и слова сказать нельзя. Посиди, посиди, не расстраивай компании. Может, другой-то еще хуже твоего: вместе ругать будем; возьми папиросочку, покури. Ну – твой черед, разворачивай... Эх, Пушкин!

Пиджак (*не совсем трезвый молодой человек, лохматый, поэтической внешности*) *развертывает и прикалывает свой проект. На рисунке Пушкин стоит, широко расставив ноги, одну руку положив в*

карман, другою – сморкаясь. Снова недоумение.

Так. Хорошо! Отчего же он за нос-то держится?

Пиджаков (*гордо*). Сморкается.

Голова. Монумент-то? Да что вы, ей-Богу, морочите, от дела отрываете?

Барон. Да, странно.

Некто. И опять-таки неприлично...

Ее Превосходительство (*страдая*). И где же идея?

Гавриил Гаврилович (*хохочет*). Нет, хорошо! А то – величие! Знаю я это величие, видал великих немало: прекрасно знают, где раки зимуют, ваши великие. Нет, хорошо. Очень хорошо! – так его и надо. Браво, молодой человек.

Пиджаков (*гордо*). Несколько слов. И надеюсь, вы меня поймете, хотя от рождения я одинок. Мне надоело ваше лживое искусство, и я кладу ему конец! Довольно! (*Бьет кулаком по столу.*) К черту!..

Еремкин (*тихо*). Но какой он сердитый.

Голова (*также тихо*). Выпил, оттого и сердится. Погоди, еще бить нас с тобою будут... Эх, Пушкин!

Пиджаков. Довольно! Я больше не хочу! Я ненавижу ваши лживые города с их бездушными героями на нелепых конях. Долой старую ложь! Пушкин был велик не тем, что писал стихи, как здесь сказал какой-то

идиот...

Гавриил Гаврилович. Но, позвольте, кто дал вам право!..

Пиджаков. Виноват, это только полемический прием, и лишь идиот может понимать это буквально. Пушкин велик тем, что он был – человеком! Человек – вот что такое Пушкин, и человека я вам даю. Вам, ничтожным людишкам, нужно, чтобы ваш герой сидел на коне, а мой – сморкается!

Ее Превосходительство (робко). Но где же идэя?

Пиджаков. Вы не понимаете? Ха-ха – в насморке. Что, не понравилось? не любишь?

Барон. Но послушайте, дорогой мой!..

Пиджаков. Я вам не дорогой. Если у меня нет знаменитого имени, как вот у этого академического тупицы, так это не дает вам права называть меня «дорогой»!

Фраков (вскакивая). Я протестую!

Пиджаков. Ну и протестуй, сморчок несчастный.

Фраков. Я ухожу!

Пиджаков. Ну и уходи ко всем чертям! Ты думаешь, что если я молчал, так это от восторга? Молчал потому, что все вы подошвы моей не стоите – вот!

Фраков выходит. Пиджаков сатанински хохочет.

Некто (*Исполинову, тихо*). Этого не пишите!

Голова. Говорил, бить начнут.

Ее Превосходительство. Милостивый государь, вы позволяете себе такое, что я, право, не знаю. Что в этих случаях делается?

Гавриил Гаврилович (*яростно*). Вывести надо, вот и все!

Некто. Правильно!

Пиджаков. Я все позволил и все позволяю. Выводите – я всегда готов. Я сам крикну по вашей подлой терминологии: эй, человек, выводи человека! Вы думаете, я молчал от восторга? – рожи проклятые!

Некто (*быстро*). Этого не записывайте!

С Ее Превосходительством дурно. Ее успокаивают, пока голова осторожно выводит Пиджакова, уговаривая его.

Голова. Ну, ну, иди! Я это дело знаю: завтра проспишься, тогда и поговорим. Ну, сморкается и сморкается, чего же плакать-то?

Пиджаков (*плача*). Ты – хам, но только ты один меня понял. Поцелуемся.

Голова. Изволь, сколько хочешь. В калошах пришел или так? Калоши-то не забудь. Ну, и сморкается, эка! Не плачь, все там будем. На извозчика-то есть?

А то у меня возьми, потом отдашь. (*Выводит его в переднюю.*)

Здесь некоторое смущение и печаль о несовершенстве человеческого рода.

Барон. Какое некультурное происшествие! Молодой человек сидел так скромно, – и кто бы мог подумать!

Мухоморов. Водка-с. Вот кто наш истинный враг.

Гавриил Гаврилович. А по-моему, – дурак и больше ничего! нахал!

Некто (*Еремкину*). А вот вы все твердите: но. Вот оно, ваше «но», молодой человек, видали? Хорошо, по-вашему?

Еремкин. Но при чем же я, Господи!

Ее Превосходительство. Анатолий Наполеонович, вы умный человек, скажите мне, зачем я спустилась на землю? И разве идэи – это так трудно и недоступно другим людям?

Мухоморов. По моему скромному мнению, – вы избранная натура, Ваше Превосходительство. В нашем ли Коклюшине вам прозябать, когда самые первые столицы должны с гордостью открыть Вашему Превосходительству свои врата. Не так ли, господин журналист?

Исполинов. Безусловно! Целиком присоединяюсь!

Голова (*входя и отдуваясь*). Отправил. Ну и народ горячий: хочет еще этого первого догнать: изобью, говорит, как собаку. Так как же, по домам после такого скандала или продолжать будем? Надо бы уж кончать, а то совсем я от дела отбился, хоть лабаз закрывай.

Ее Превосходительство (*слабо*). Продолжим.

Голова (*звонит*). Открывается и продолжается. Как, прогнавши обоих, по какому плану будем памятник ставить? С ума сойдешь, ей-Богу. Ты что все молчишь, Мухоморов? – подскази. Ума у тебя, сказывают, целая палата.

Мухоморов. Смею ли я?

Голова. Раз позвали, значит, смеешь. Не форси. Ну?

Мухоморов (*вставая*). Я мыслю об единообразии. Анна! ты понимаешь? Раз если Пушкин один, то на каком основании памятники должны быть различны? Мыслю так: откинув лжемудрие...

Некто. Правильно.

Мухоморов. ...воздвигнуть монумент по образу столичного московского. Изволили видать? Со шляпою в руке для обозначения задумчивости, и в альмавиве, то есть плаще-с. Анна, ты согласна?

Мухоморова. Согласна.

Голова. И я согласен. Верно! Лучше московского не придумаешь. Дадим этим по сотняге за беспокойство, да и приступим, благословясь... Умница ты, Мухоморов! Спасибо!

Гавриил Гаврилович. А я не согласен. Позвольте! какая это еще задумчивость? Раз ты стоишь на площади, так веди себя вежливо, а не задумывайся. Голову опустил, ни на кого глядеть не желает, скажите пожалуйста! Спроси раньше, желаю ли я на тебя глядеть, а потом и задумывайся.

Голова. Ну и гордости у вас, Гаврил Гаврилыч! А по-моему, то и хорошо, что ни на кого не глядит, – чего ему на нас глядеть, эка невидаль, подумаешь! Конечно (*звонит*), принято подавляющим большинством. Поздравляю, Ваше Превосходительство, честь имею!..

Ее Превосходительство. А что? – разве уже? Ах, какие вы милые. Но когда? Я так задумалась о нашем дорогом Пушкине, тень которого...

Голова. Уже, уже, поздравляем. А теперь что? В прошедший раз мы говорили, как его, этого самого Пушкина ставить, – продолжим?

Некто (*грозно шипит*). Тсс! что вы, что вы! Тут еще пресса сидит, а вы такое!.. Страху на вас нет, Пал Карпыч!

Голова (*мгновенно потея*). Фух-ты! Про прессу-то

и забыл.

Все со страхом смотрят друг на друга, потом на Исполинова. Молчание.

Исполинов. Мне удалиться?

Голова. Вот именно: удались, миленький. Тут у нас, понимаешь, такое дело, что... Некто. Тсс! Все. Тсс! тсс!

Снова со страхом смотрят друг на друга. Пауза.

Голова. Ты не обижайся, голубчик...

Исполинов. Не беспокойтесь, я привык. Я удаляюсь.

Голова. А привык, так тем лучше: удались, миленький, удались. Завтра я тебе, ей-Богу, все расскажу, а сейчас ступай ты от греха. Иди, иди!

Исполинов быстро уходит. Все смотрят ему вслед. Гавриил Гаврилович заглядывает в дверь.

Гавриил Гаврилович. Знаю я этих! Уйдет, да под дверь и притаится.

Барон. Лучше на ключ, Гаврил Гаврилыч.

Голова. Да и занавески бы спустить: чего на улицу

светим, прохожих беспокоим!

Некто. Я и говорю: разные. Будь друг, Еремочка, опустите занавесочки-то: все спокойнее. Да и свету бы поубавить: друг дружку знаем и в потемках не ошибемся. Гаси свечи, Гаврилыч!

Гавриил Гаврилович. Готово. Я и лампу эту погашу, зачем она! (*Гасит.*)

На сцене темнеет. Лица заговорщиков бледны.

Еремкин. Но я полагаю, что в присутствии Ее Превосходительства...

Некто (*шипит*). Опять: но! Вот как залетите в места не столь отдаленные, тогда и покаетесь, да поздно будет! поздно!

Ее Превосходительство. Я не понимаю. Ах, как романтично. Сейчас тень, да?

Голова. Какая еще тень? Да не пугайте вы, Христа ради! Тут и так поджилки трясутся, а вы еще: тень... Я так не могу, Ваше Превосходительство, – у меня дети!

Мухоморов. Ее Превосходительство не от мира сего: чего мы, однако...

Голова. Ну да, а мы от мира сего... Потуши-ка вон ту свечечку, Гаврилыч, – чего ей коптеть. Да поближе садитесь, кружком. Ну – кажись, все ладно, можно приступить. Ну – Господи благослови... чур меня, чур,

перечур, тьфу!

Мухоморов (*тихо и выразительно*). Политика?

Голова (*одним вздохом*). Она самая. Господи, всю жизнь я этого опасался, а вот привелось на старости лет. Мука мученьская, этот ваш Пушкин.

Гавриил Гаврилович. Да, фигура.

Некто. Сказано: от тюрьмы да от сумы не отказывайся. Что есть мы? Человеки, а над нами перст. Куда направит, туда и придем, независимо от рассуждений.

Голова. Пожили, значит, побаловались, и буде. Детей мне, главное, жалко: останутся они без отца, без матери... Ну, да что уж, снявши голову, по волосам не плачут. Одним словом, наостри уши, Мухоморов, и слушай, – дело это негромкое. Навострил?

Барон. Да. Здесь мы очень нуждаемся в ваших компетентных советах, дорогой Анатолий Наполеонович. Ваш всему городу известный ум...

Мухоморов. Готов к услугам. Способности мои преувеличены голосом народа, но насколько могу – я весь внимание. Анна, сядь ближе. Извините, но это моя муза. Анна, садись. Мы слушаем. По какой статье?

Голова. Статья-то еще неизвестная, а плохая. Тяжелая статья. Надо его ставить, а как поставить, чтобы без нарушения... понимаешь? – политика, брат! Вот, рассуди сам, голубчик. Нашу Ильинскую площадь

знаешь? Гляди, я тебе пальцем покажу для вразумления: тут острог, а супротив его, на другой стороне, – богоугодное заведение, ну, для сумасшедших, желтый дом, понимаешь? А тут, с правой руки, сиротский суд, а тут слева, супротив его, – свечной завод Галкина, знаешь небось. Вот она какая география-то, – сам тут черт ногу ломает.

Мухоморов (*качая головой*). Да, расположение затруднительное, требующее крайней осторожности. Анна, ты чувствуешь?

Голова. Ну, конечно, осторожности, а то чего же? Не маленький, чать, понимаю. Ну – и куда его задом приткнуть, спиной, понимаешь? Думали мы, думали, гадали, гадали и решили, после долгой канители, поставить его задом – к острогу: так оно никому не обидно... Ну... чего же ты молчишь?

Мухоморов. Молчу, Анна, ты также?

Анна. Я также.

Голова. О Господи!..

Барон. Говорите, многоуважаемый, мы ждем. По-видимому, что-то не так?

Голова. Да говори, не мучь. По ехидству твоему вижу, что мысль имеешь: рази уж. Ну?

Мухоморов. Я только одно позволю себе спросить: что такое острог? Анна, ты меня понимаешь?

Голова. Который для арестантов, что ж тут пони-

мать. Ну?

Мухоморов. Так-с. Для арестантов. Так-с. А что такое арестант?

Испуганное молчание.

Не знаете, так я вам скажу: арестанты – это жертвы правосудия. А раз тут правосудие, то *(вставая и угрожающе вытягивая руку)* позвольте вас спросить, к кому задом вы изволите ставить господина Пушкина? Анна, слыхала?

Голова. Батюшки!

Мухоморов. Вот именно-с. К правосудию! К самим законам! А их четырнадцать томов, не считая касационных решений! К самому, наконец *(свистящим шепотом)*, министерству юстиции! *(Садится.)*

Все взволнованы.

Гавриил Гаврилович. Вот это голова! Это ум!

Голова. Ну и политика! Воистину только как Бог спас. Ну их, арестантов, – боюсь я их теперь, прокаженных! Вот история... Слушай, Мухоморов, наклонись-ка: а что, если мы его к сиротскому суду задом поставим?

Мухоморов. К сиротам-то? Анна, ты слышишь? Но,

конечно, если невзирать ни на сиротский суд, ни на воспитательный дом, состоящий...

Ее Превосходительство *(решительно)*. К сиротам нельзя спиной. Какая ужасная идея! Я не позволю вам обижать моих сирот, Павел Карпыч.

Голова. Нет, нет, я уж сам вижу... И опять Бог спас!

Гавриил Гаврилович. Раз спасет, а другой и не станет.

Некто. Истинно удивляюсь вам, Павел Карпович! Человек вы семейный, с достатком, а такие мысли!.. Нехорошо.

Голова. Язык мой – враг мой, сам вижу. Слова больше не скажу, клещами не вытащишь, оглоблей из меня не выбьешь! нет! А коли вы, батенька, так все понимаете, так вы и говорите; я ничего не знаю, я председатель. Кому желательно?

Еремкин. Позвольте мне!

Голова. Тебе? да ты спятил? Думаешь, двери затворены, так все тебе и можно? Помолчишь, и так хорош. Лишаю голоса, нельзя!

Некто. Ни в каком разе! Но по случаю того, что ко мне сделано обращение, и как человек многоопытный, весьма и весьма искушенный, предложу сие. Не поставить ли нам господина Пушкина задней их половиной к дому умалишенных? Поясню. Что есть умалишенный?..

Голова. Погоди, батя, он что-то улыбается. Ты что улыбаешься, Мухоморов? Ну и язва же ты, и кто тебя сотворил такого?

Мухоморов. Так-с. Спиной к желтому дому, – а лицом куда?

Голова. Погоди, дай сообразить. Ну, лицом к острогу, стало быть.

Мухоморов. К острогу? Так-с, хорошо. А не скажут ли свыше (*вставая и угрожающе вытягиваясь*) – это почему в городе Коклюшине господин Пушкин заглядывает в острог? Не есть ли сие (*свистящим шепотом*) самый предерзостный намек на неподлежащее нашим суждениям существо властей предержащих? Анна, понимаешь!

Гавриил Гаврилович. Ого! это уж в самые отдаленные, не ближе.

Голова. Да и то ежели с снисхождением.

Некто (*взволнованно*). Ну, конечно, так оно и есть. Воистину соблазн, и как это я? Тьфу, тьфу, отыди, сатана. Намек! форменный намек, не то что прокурор, а и ребенок всякий поймет! Отрекаюсь, поспешно отрекаюсь.

Голова. Вот сам видишь, батя, каково это, а других осуждаешь! С виду-то оно легко, а как вдумается, так со всех сторон каторгой пахнет. Хорошо, что умный человек с нами, а без него давно бы уж поминай

как звали! Тю-тю! Двери-то закрыты?

Гавриил Гавриилович. Закрыты. А по-моему, уж не так это и трудно, – только бы ум был. Позвольте мне? Свечной завод, говорите? – ну и поставьте его спиной к свечному заводу, Галкин не обидится.

Молчание. Размышляют.

Барон. Это хорошая мысль. А вы как полагаете?

Некто. Не знаю. Может, хорошая, а может, и нехорошая. Ничего не понимаю. Один соблазн и больше ничего! Не знаю-с.

Барон. Но вы изволите молчать, Анатолий Наполеонович?

Мухоморов. Молчу-с. Анна, ты понимаешь?

Голова. Ну, держись, сейчас распишет... о Господи!

Мухоморов (*небрежно*). Да и расписывать нечего, все и так ясно... Конечно, здесь есть маленькая аллегория или символ, как говорится, но для тонкого ума это не представляет затруднений. Господа, – а что такое свеча?

Подавленное молчание.

Голова. Свеча, ну, и свеча, – да не пугай ты, Христа ради!

Мухоморов. Так-с. Свеча – это свет, не правда ли? Следовательно, к кому станет задом ваш господин Пушкин? (*Поднимаясь.*) К свету-с! К просвещению! (*Свистящим шепотом.*) К самому министерству народного просвещения!

Молчание.

Голова. Ну и дела! Одно слово: капут. Как ни упираться, а капут. Плакал мой лабаз! Ваше Превосходительство, помилосердуйте, освободите – прикажите сами его поставить, как вашей душеньке угодно.

Ее Превосходительство. Но я не понимаю или я должна? Но что? Если бы дело касалось идэи, я могла бы, но здесь... Но помогите же нам, гениальный ум! Мы умоляем!

Мухоморов. Нет уж, какое я имею право. Извольте сами.

Голова. На колени перед тобой, что ли, становиться? Помоги!

Мухоморов. Извольте сами.

Голова. Да не упираться ты, как козел. Скажи! Тебе при твоём уме это все равно что плюнуть, а мы мучаемся!

Барон. Мы просим вас.

Все просят.

Мухоморов. Хорошо-с. Но тогда уж позвольте не мне, а моей музе. Анна! скажи.

Ожидание, полное надежды. Маслобойников даже разинул рот.

Анна. Надо у Пушкина весь зад обсадить деревьями.

Мухоморов (*торжествующе*). Что-с? каково-с? Так по слову самого поэта и выйдет: широколистные дубравы и прочее. Анна, я тебя благодарю.

Всеобщее ликование.

Голова. Спасибо! Выручил Мухоморов! Свечи зажигайте! занавески отдергивайте! Эх, музыку хорошо бы! Ура!..

Занавес